

Генри Лайон Олди

Старое доброе зло

*Часть сборника
Три повести о чудесах (сборник)*

Рассказы очевидцев, или Архив Надзора Семерых

Генри Олди
Старое доброе зло

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Старое доброе зло / Г. Л. Олди — «Автор», 2003 — (Рассказы очевидцев, или Архив Надзора Семерых)

«– Да буду Я! Небытие отпускало без особой охоты. Чмокало, ворчало; всхрапывало. Краткие всплески сознания, мутного спросонок, – как толчки бьющей из раны крови. Ноздри щекочет (у меня уже есть ноздри?!), освежая и дразня, запах серы. Подземные испарения, рудничный газ, аромат тлена и разложения. Благовония сразу придают бодрость телу. Тело?! – разумеется. Я всегда просыпаюсь в плотском облике. Традиция. Если только полное отсутствие в течение четырех тысячелетий можно назвать сном...»

© Олди Г. Л., 2003

© Автор, 2003

Генри Лайон Олди

Старое доброе зло

Из тайных архивов Нихона Седовласца, автор неизвестен.

После исчезновения Нихона в Жжёном Покляпце собрание текстов в присутствии лейб-стряпчего Антоина Д'Эрнона передано Гувальду Мотлоху, верховному архивариусу Надзора Семерых, для заключения под стражу.

Частично публикуется согласно «Декреталию об утечке», п араграф «Альтернативная мифургия: предел допустимого».

– Да буду Я!

Небытие отпускало без особой охоты. Чмокало, ворчал; всхрапывало. Краткие всплески сознания, мутного спросонок, – как толчки бьющей из раны крови. Ноздри щекочет (у меня уже есть ноздри?!), освежая и дразня, запах серы. Подземные испарения, рудничный газ, аромат тлена и разложения. Благовония сразу придают бодрость телу. Тело?! – разумеется. Я всегда просыпаюсь в плотском облике. Традиция. Если только полное отсутствие в течение четырех тысячелетий можно назвать сном.

Можно.

Просыпаюсь.

Стали доступны чувства. Не все, жалкий огрызок бывшего спектра, но и на этом спасибо. Лесным пожаром вспыхнула жадность нетерпения: коснуться, вобрать, насладиться! Тянусь во все стороны, душой, существование которой у меня более чем спорно, эманациями, наличие которых безусловно, щупальцами тончайшей тьмы. Прочь! за границы плоти! в ласковый мрак Цитадели. Блаженный озноб сырости вливается в рассудок. Острые иглы кристаллов умбронита, какие растут лишь здесь, веками вбирая боль ожидания, пронзают кожу, вливая сладкий яд обреченности. Глубже, глубже!.. Жаль, сейчас я слишком слаб для этого удовольствия. Хватит, я сказал! Тихое урчание: это поток исконной бленны, подземная река, где мертвое превращается в живое, а живое – в странное, кружась в паводке метаморфоз. Моя колыбель, убежище для спящего Владыки и легионов Хаоса, которые вскоре затопят наружный мир! Твердь и небеса содрогнутся от симфонии «Vexatio Grande»; так было бесчисленное число раз, так будет снова – и да будет так во веки веков!

Ах, мечты, мечты!

Иногда на меня находит. В позапрошлый раз вообще не хотелось вставать, выбираться на поверхность... Лежу, понимаешь, мечтаю о высоком. Нет чтобы заняться делом, воплотить грезы в жизнь... А в итоге? Упустил пару веков, сущий пустяк, а едва выбрался наружу – смотрю, ждут. Нехорошо получилось, некрасиво. Вульгарно. Даже Вульрегину поднять не успел.

Вульреги́на! Девочка моя!

Я уже хочу тебя.

Входить в твоё жаждущее нутро, снова и снова, содрогаясь от болезненного наслаждения; шкварчащие струи бленны омывают нас, единое целое, сплавившееся в пароксизме блаженства. И апофеоз любви – мое тело, опустошенное и безвольное, рвут безжалостные челюсти

Черной Вдовы, чтобы останки скользнули в оплодотворенную утробу, растворяясь под напором едкой влаги. Мы сольемся воедино, теснее, чем сотни тысяч любовников. Вечность минет вспышкой молнии, дабы я восстал не из Цитадели, слаб и ничтожен, а из твоей утробы, крошка моя! – обновленный, в мощи и славе, готовый возглавить армады Зла.

Армады ты извергнешь вслед за мной, прежде чем впасть в спячку.

Геремалумы, мортиферы, вектоморбусы, мисерии, формидонты, феррорки, вокафунусы, гестаторменты, мортикулы, либитинии, инфернефусы, бестистраги... И местные искаженцы, кто встанет под мои знамена на поверхности. Правда, с местными будет трудно – за прошедшие века Адепты Света, победители в последней схватке, наверняка извратили природу большинства достойных существ. А самых непримиримых извели под корень. Ничего, справлюсь. Мне не привыкать. В любом случае пора брать в руки кисть и приступать к сотворению нового шедевра. А сопротивление лишь расцветит полотно новыми красками: охра ненависти, кармин вскрытых жил, чернь смерти, алые сполохи пожаров и сверканье стали. Палитра Черного Владыки. В конце концов, без воинствующей добродетели Адептов было бы скучно: создание Царства Зла невозможно вне разрушения.

Что ж, наверху в избытке найдется что разрушить!

«Наслаждайся!» – вот мой девиз.

Тянусь сквозь вечную ночь Цитадели, нащупывая зародыш Вульрегины. Бессмертная малютка спит, погружена в материнскую слезу Большой Ямы. Властным толчком я пробуждаю девочку, ощутив, как от нее к потоку бленны метнулись отростки кормящих щупальцев. Ешь на здоровье. Пройдет пять-шесть месяцев, прежде чем ты раздуешься до размеров, позволяющих совокупление.

...присосалась. Чавкает.

Самое время разрешить себе легкую прогулку. Завести знакомства, приглядеться к будущему полю боя. Владыка бодр и весел, чего и вам желает!

– Нор’астор одчайнур, беле строматос а’Мни...

Над головой – небо гнусной, навязчивой голубизны. Хуже, чем глаза младенца! Бесстыже-нагое солнце вместо того, чтобы выжигать глаза (иногда это бывает приятно!), заставляло их слезиться. Экая пошлость! Пришлось опустить вторые, стеклистые веки. Помогло. Заодно пожухла дурацкая зелень травы. Кудрявая радость Адепта! Кстати, насчет «пожухла»... Это веки гасят аляповатую безвкусицу – или начинает действовать мой смертоносный взгляд?

Хотелось бы, но вряд ли.

Рановато.

На запястье села омерзительная эфемерида. Радуга крылышек, длинные усики и нежное продолговатое тельце. Дурашка, подумай, куда тебя угораздило опуститься! Или в тебе, уродце-однодневке, есть тайные ростки Темного Начала?! Никогда бы не подумал... Да и чутье подсказывает: нет. Хотя с моим, еще ущербным восприятием... Вторые веки налились пурпуром. Мрачное свечение окутало гостью. Под взглядом Черного Владыки крылья существа быстро твердели и заострялись на концах, тельце покрыла броня хитина, топорщась шипастыми чешуйками, лапки обзавелись коготками с очаровательными каплями яда на концах; и наконец из-под щитка, прикрывшего уязвимую головку, высунулись кривые жвала. Прелесть! Чудо! Красота есть смертоносная целесообразность, добровольно обращенная ко злу. Надо будет запомнить для грядущих поколений...

Тварь с треском расправила крылья. Взмыла в воздух, хищно сделав круг. Растроганно я следил за полетом дивного творенья. И тут жалкая, наивная ласточка решила пообедать. Отчаянный птичий крик, комок перьев, судорожно трепыхаясь, рушится наземь, а дитя Владыки вгрызается в живую плоть, спеша достать сердце, бьющееся в агонии. Изящно. Малень-

кий шедевр: перышки живописно разбросаны, птичка распластана на земле, и в разодранной грудке с деловитым щелканьем копошится малыш-убийца.

С сожалением отрываюсь от радующей глаз картины. Надо будет при случае сотворить крошке достойную пару. Пусть плодятся и размножаются. Но сейчас есть дела поважнее.

И поинтереснее.

Эта пыточная сразу пришлась мне по сердцу.

Крылось в застенке – куцем, нищем рядом с роскошью былых мучилищ! – тайное очарование примитивизма. Чтобы понять, представьте себе доступный образ: воин-кастрат лишен конечностей, вместе с языком утратил возможность изрыгать брань, и лишь глаза пылают неукротимым огнем. В ожидании каленого шила. Впрочем, здесь допустима иная параллель: первые шаги любимого ребенка. Пустяк, разумеется, в сравнении с броском голодного крокодила или полетом стервятника над падалью, но смотришь с умилением. Общее звучание пыточной напоминало «Lacrimosa», иначе «Слёзную», из «Jah'Ziccur Passion» в постановке Эгеля Паленого, прозванного меж коллегами «Днем Гнева». Помнится, на премьере, в финале «Страстей», когда Нюргедский хребет лопался багровыми пузырями, скалы тонули в слюне живого вулкана Томаринду, а Пять Армий сливались на поле брани в сумрачной, неустойчивой гармонии... Проклятье, трудно вспоминать без рыданий! Эгель тогда не выдержал: отшвырнул дирижерский посох, по нисходящей хроматической фразе кинулся в заклтый костер, вспыхнул вдохновением, полторы минуты держал сумасшедшее ми-диез и с мощью исполина духа подвел черту под собственным гением.

Но сегодня речь шла не об экспрессии мистерий, а скорее о камерном ариозо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.